

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-706-728
УДК 81'373.4

СИСТЕМНАЯ ПАНОРАМА КОГНИТИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕМАНТИКИ ТАКСИСА*

Н.Ф. Алефиренко¹, М.Б. Нуртазина²

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, Белгород, Россия ул. Победы, 85

²Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
010008, Астана, Казахстан, ул. К. Сатпаева, 2

Обосновывается необходимость исследования различных способов интерпретации семантики таксиса на примере механизма восприятия широкого диапазона видо-временных соотношений действий в рамках единого временного периода. Предложенный ракурс позволяет учитывать интерпретационный аспект языкового сознания, когда чрезвычайно важно опираться на языковую компетенцию говорящего, насколько он творчески модифицирует язык. Все выдвигаемые положения иллюстрируются конкретными примерами. Цель настоящей работы — доказать необходимость проведения интерпретационного анализа семантики таксиса; проанализировать механизм когнитивного взаимодействия говорящего и слушающего в структуре общения; описать структуру когнитивной характеристики субъекта деятельности. Методология моделирования таксисной семантики позволяет выявить ее основные когнитивные признаки: 1) динамичность и активность точки зрения самого говорящего; 2) многоаспектность характеристики; 3) взаимосвязь мыслительных и языковых структур. Обнаружено, что выражение хронологических отношений в сфере таксиса отличаются высокой степенью субкатегоризации и передаются разветвленной системой средств выражения. Доказано, что собранный иллюстративный материал из художественного текста наглядно свидетельствует о расплывчатости границ между временными соотношениями дифференцированного и недифференцированного типов. Описывается, что рассматриваемые реальные действия и состояния объективно могут находиться в отношениях одновременности/разновременности. Однако в языковой интерпретации данного отношения присутствует имплицитность, которую бывает трудно отграничить от неопределенно-временного типа совмещенности действий в едином периоде времени. Процесс формирования характера протекания и распределения действий во времени рассматривается сквозь призму работы таких когнитивных механизмов, как репрезентация, интерпретация, интенция, метафора, сравнение, эксплицитность/имплицитность выражения. Результаты исследования обладают лингвометодическим потенциалом: позволяют осуществить смысловую компрессию учебного материала при овладении способами представления сжатой информации в виде моделей и схем в процессе обучения языкам.

Ключевые слова: *интерпретация таксиса, дискурсивные стратегии, когнитивно-дискурсивный подход, метафора, оценочная интерпретация, интенция*

1. ВВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В отечественной когнитивной лингвистике за последнее время появился ряд работ, направленный на изучение феномена понимания и порождения языка с учетом таких важных параметров, как реализация мыслительных особенностей

---

* Работа выполнена в рамках реализации научного проекта «Разработка методологии и научно-методических основ формирования лингвистических компетенций студентов в контексте модернизации профессионального образования в Республике Казахстан» на основе Грантового финансирования МОН РК на 2015—2017 гг. № 0555/ГФ4-15.

человека, социальный контекст, в том числе социально-культурные показатели, процесс создания речевого творчества в аспекте выявления стратегии планирования и управления самим текстом (Алефиренко 2010; 2011; Болдырев 2009: 34—36; Демьянков 1994: 24; Кубрякова 2001: 6—7; Гусман Тирадо 2004; Петрухина 2009; Храковский 2003; Bruner 1990; Gumperz 1982; Swoyer 2011). В проведенном исследовании (Алефиренко 2010) было обнаружено, что отличительная черта когнитивной лингвистики «обуславливается некоторым методологическим сдвигом и заключается в новых эвристических программах. Это связано с общелингвистическим интересом к имплицитным, недоступным непосредственному наблюдению явлениям, к их теоретическому и гипотетическому моделированию» (Алефиренко 2010: 72).

Неоднократно отмечалось, что одной из базовых категорий, характеризующих человеческое существование, является категория времени, которая входит в концептуальную картину мира индивида (Бондарко 2002: 176; Золотова 2002; Зализняк, Шмелев 2000; Нуртазина 1989: 25—26; 2016: 142—146; Dornyei 2007). Как и другие объективно существующие элементы вселенной, время отображается человеком через механизм его восприятия, причем его преломление в человеческом сознании допускает максимум свободного выражения, яркую психологическую окраску.

В этом ракурсе дальнейшее рассмотрение семантики выражения одновременности/последовательности действий в рамках единого временного периода с учетом аспектуальной характеристики речевых актов (по существу это всегда аспектуально-таксисные ситуации — см. об этом: Петрухина 2009; Гусман Тирадо 2004; Нуртазина 2016: 25—28) представляется достаточно актуальным аспектом современной когнитологии, если речь идет о процессе формирования и восприятия семантики таксиса с функционально-когнитивной точки зрения в текстовой перспективе. Таксисное значение (далее — ТЗ) отражает видо-временную характеристику целого комплекса действий: хронологической одновременности/разновременности действий, включая облигаторно и аспектуальную семантику, тем самым выражает, как отмечал еще А.А. Потебня, «характер протекания и распределения действий во времени» (Потебня 1977: 176) в рамках целостного временного периода. Субъект же в языковом сознании передает в речи не изменение этого характера действия, а свойства и качество восприятия и представления коммуникантом как минимум двух действий в едином периоде временного отрезка. В это контексте вполне справедливо мнение Г.А. Золотовой о том, что таксис следует рассматривать в рамках проблемы «соотношения событий в тексте», где «каждый предикат в тексте выступает в релятивные связи по линии времени, лица и модальности» (Золотова 2002: 12).

Все вышеизложенное подтверждает, что акцент на когнитивном аспекте в нашем исследовании не противоречит коммуникативно-функциональному подходу к интерпретации ТЗ, а логично и правомерно гармонизирует с таким его направлением, так как когнитивный характер заключается в ментальной генерализации концептуальной сущности языкового представления ТЗ.

В таком случае анализ аспектуально-таксисных ситуаций может проводиться в таких форматах, как: 1) в высказывании; 2) фрейме, или типовой ситуации;

3) в таксисной когнитивной модели. Научные изыскания вокруг ТЗ как полимодальной когнитивной категории, широкий диапазон значений которой проявляется в высказываниях и текстовой структуре с использованием лингвистических средств выражения разных уровней системы языка, вполне реализуется именно в тексте, что, на наш взгляд, обоснованно согласуется с такими версиями когнитивного анализа, которую Е.С. Кубрякова назвала когнитивно-дискурсивной (Кубрякова 2001).

1.1. Концептуальные основы исследования

Цель настоящей работы — доказать необходимость проведения интерпретационного анализа семантики таксиса. Отсюда вытекают важные задачи исследования: 1) проанализировать механизм когнитивного взаимодействия говорящего и слушающего в структуре общения; 2) описать структуру когнитивной характеристики субъекта деятельности; 3) показать взаимосвязь адресанта и адресата в многокомпонентной структуре высказывания как результат процесса интерпретации. Моделирование ТЗ позволяет выявить ее основные когнитивные признаки, такие как: 1) динамичность и активность точки зрения самого говорящего при реализации ТЗ; 2) многоаспектность характеристики; 3) взаимосвязь мыслительных и языковых структур.

Методы и методология исследования. Когнитивный аспект представляется достаточно новым и перспективным, дающим возможность ставить неизученные ранее цели в исследованиях, и, соответственно, может быть выбран в качестве метода исследования. Перспективный подход к рассмотрению ТЗ опирается на ономаσιологический взгляд на его природу, а потому, развивая идеи когнитивного направления в лингвистике, возможно описание фреймовых моделей ТЗ, которые строятся на основе базовых понятий когнитивных исследований. Последовательное описание интерпретационных типов таксиса, таких как: результативные/нерезультативные действия, контролируемые/неконтролируемые, длительные/недлительные: процессные/непроцессные действия и состояния, контролируемые, конативные действия способствует выявлению «режимов интерпретации». Кроме того, такой взгляд на язык, с одной стороны, снимает противоречия между структурно-семантической моделью предложения и типом ситуации, парадигмой предложения и лингвистикой текста, с другой стороны, меняет и принципы, и приоритеты исследования. На первое место выходит описание генерирования целого высказывания, когда такая характеристика строится на базе конкретного «добавочного» содержания.

1.1.1. Краткий обзор научной литературы

Несмотря на высокую изученность категории времени на материале разных языков, ее различные аспекты заслуживают самого серьезного внимания как в силу онтологической значимости временных отношений, представляющих собой наиболее типичные и наиболее существенные связи объективной действительности, так и в силу фундаментальности, глубины, разветвленности и сложности взаимосвязи языковых средств выражения временных характеристик, их неотъемлемого включения в систему языка и речи.

Для обозначения данной временной характеристики Р.О. Якобсоном был предложен термин «таксис», который «характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» (Якобсон 1972: 101), в соответствии с терминами «order» (порядок) у Л. Блумфильда (Bloomfield 1946: 97) и «mode» (вид) у Б. Уорфа (Whorf 1956: 176).

Необходимо подчеркнуть значимость и непреходящую актуальность концепций ученых (Бондарко 2002; Золотова 2002; Минский 1979; Филлмор 1988; Храковский 2003) для осмысления проблемы ТЗ, которые стимулируют дальнейшие поиски возможных решений. Так, по справедливому замечанию Г.А. Золотовой, «текст и становится главным источником исследования языка, осмысления его грамматических форм, категорий в воплощенных их значениях, возможностях, условиях и назначения. Антропоцентричность таксисных отношений, темпоральных ритмов текста воссоздает общее неразделимое единство времени и пространства, моделируя тот физический, социальный и ментальный мир — хронотоп, в котором реализуются окружение и кругозор воспринимающего человека» (Золотова 2002: 13; см. также: Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 144—147).

А.В. Бондарко, опираясь на предшествующую традицию в разработке проблемы общих значений (Бондарко 2002; Wertsch 1990), изложил свою концепцию проблем ТЗ с позиций интегративной теории репрезентации, которая основывается на трактовке ТЗ как процесса представления и интерпретации мира человеком, как ментальной репрезентации разных отношений между действиями, тем самым придав этой проблематике эксплицитное общетеоретическое направление.

Когнитивный подход позволил увидеть, что ТЗ есть объединение нескольких разнородных и вместе с тем взаимосвязанных явлений: аспектуальности, темпоральности, временной локализованности и временного порядка («возникновение новой ситуации»). В таблице 1 показана возможность реализации семантического временного комплекса в разных семантических категориях. Все эти категории производны от аспектуальной характеристики глагольных форм (Бондарко 2002; Зализняк, Шмелев, 2000; Schiffrin 1995).

Таблица 1 / Table 1

Реализация семантического временного комплекса в разных структурах
Implementation of the semantic time complex in different structures

Семантические категории, связанные с идеей времени	Общая временная ориентация	Связь с аспектуальностью	Тип синтаксической конструкции		Текст
			Полипредикативная	Монопредикативная	
Таксис	предшествование-следование и одновременность	+ (облигаторная)	+	–	+
Аспектуальность	характер протекания и распределения действия во времени	+	+	+	+
Темпоральность	ориентация на момент речи, временной дейксис	–	+	+	+
Временная локализованность	единичность/повторяемость, конкретность/абстрактность	+ –	+	+	+
Временной порядок	динамичность «наступлений фактов» (смены ситуаций) и статичность длительностей	+ –	+	+	+

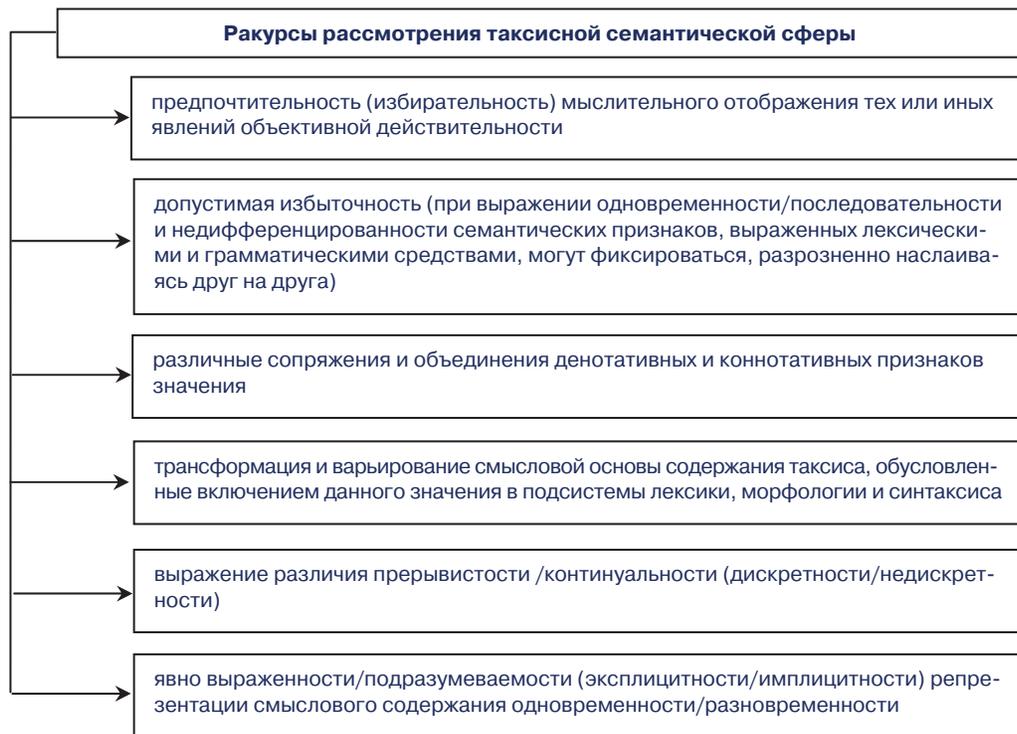
2. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Параметризация полиаспектной характеристики семантики таксиса с учетом интерпретационной зоны

Как известно, осуществляемая коммуникантом интерпретация предстает как многоаспектный процесс, который регулируется общими прагматическими и коммуникативными целями, иерархиями ценностей, структурой проблемной области, социально-ролевыми и индивидуально-психологическими характеристиками участников коммуникации. Н.Н. Болдырев отмечает, что когнитивные идеи интерпретационной зоны, высказанные в работах ряда зарубежных и отечественных ученых (см. работы Ч. Филлмора, М. Минского, Гусман Тирадо, Дж. Лакоффа, В.З. Демьянкова, А.В. Бондарко, Е.С. Кубряковой), способствовали усилению социальной составляющей когнитивных исследований (Болдырев 2009: 34—36). Соответственно, результат процесса интерпретации в идеале представляет собой многокомпонентную структуру, включающую все возможные «проекции» языкового содержания высказывания на структуру знаний интерпретатора. В этом контексте содержание ТЗ подчеркивает неоднородность к его подходу и полиморфизм потенциала его интерпретации. Связано оно с тем, что ТЗ представляет собой разнохарактерное явление. При ее рассмотрении важны такие факторы, как регистрация отчетливых связей и явлений объективной действительности, своеобразие языковой интерпретации понятийного содержания, динамичность и активность точки зрения самого говорящего как в процессе познания, так и в процессе речевой деятельности и коммуникативно-прагматического результата реализации данной грамматической формы.

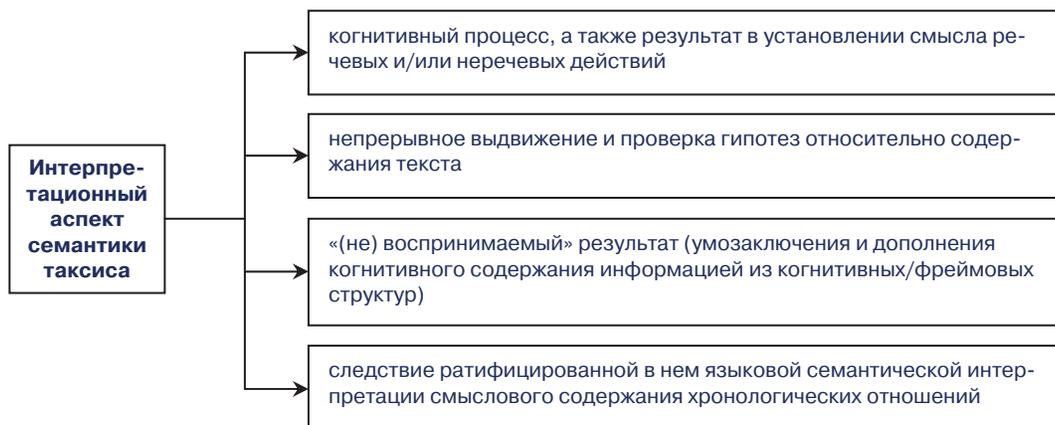
Последовательная ориентация на интерпретационный аспект реализации ТЗ в нашем исследовании не противоречит «принципу избирательности языковых значений внеязыковой действительности» (Бондарко 2002: 533). Соотносясь с явлениями окружающей нас реальной действительности через их отражение в сознании и мышлении, значения грамматических средств выражения, передающих ТЗ, несут в себе характерные атрибуты языковой категоризации, системно-структурной организации языковых единиц. Ведь именно язык служит средством передачи неязыкового содержания, причем, по выражению А.А. Потебни, слово может «сгущать» мысль и в этом смысле представлять собой «свернутое» суждение, а может и «разряжать» ее, оставляя многие ее аспекты за пределами обозначения (Потебня 1977: 231—232).

Интерпретационный аспект ТЗ есть следствие ратифицированной в нем языковой семантической интерпретации смыслового содержания хронологических отношений одновременности/разновременности, а также без их актуализации (Нургазина 2016: 28—33), и потому может включать в себя множество ракурсов рассмотрения. Для целей нашего анализа важны идеи А.В. Бондарко о том, что «смысловая основа содержания высказывания не дана „в чистом виде“, а проходя сквозь призму языковой формы, передаваемый смысл всегда получает ту или иную языковую интерпретацию» (Бондарко 2002: 109; см. также: Нургазина 1989: 27), в связи с чем можно предположить, что ТЗ включает несколько аспектов рассмотрения, см. рис. 1.

Рис. 1. Аспекты рассмотрения таксисной семантической сферы
Fig. 1. Aspects of taxis semantic sphere

Интерпретационный подход к языковой семантике предусматривает исследование взаимосвязей мыслительных и языковых структур, когда в центре анализа оказываются вопросы языковой «упаковки» (термин У.Л. Чейфа): как смысл связан с имплементацией той или иной языковой формы. Именно такая функция языка дает возможность по-разному представлять внеязыковое содержание. В проведенных исследованиях (Демьянков 1994; Кубрякова 2001; Бондарко 2002) были описаны семантические составляющие процесса интерпретации, а потому вполне можно эти идеи проецировать на изучение интерпретационного аспекта ТЗ, см. рис. 2.

Рис. 2. Интерпретационный аспект семантики таксиса
Fig. 2. Interpretation aspect of taxis semantics

По справедливому утверждению В.З. Демьянкова, ранжирование интерпретационного феномена по степени целенаправленности и контроля цели над процессами есть «переменная величина, зависящая от многих факторов, из которых личностные (характер и способности человека-интерпретатора) играют далеко не последнюю роль» (Демьянков 1984: 28—29). Субъективность как один из факторов когниции и результат когнитивной деятельности человека обладает неповторимым субъекта деятельности, см. рис. 3.

Рис. 3. Структура субъекта в таксисных конструкциях
Fig. 3. Structure of the subject in taxis designs

Субъект речи и деятельности в силу дифференциальной когнитивной характеристики всегда обладает индивидуальными особенностями. Индивид речи выделяет из целого релевантные для него элементы, повышая значимость того или иного признака действия, выражения, усиливая в самом тексте свою собственную версию в соответствии со своими индивидуализирующими качествами и признаками объекта. Таким образом, в процессе восприятия какого-либо события происходит не просто перекодирование информации, выраженной в знаках языка, в знаки концептуальной системы, а интерпретация и толкование смысла в аспекте привнесения и расширения чего-то нового, объяснения, развертывания или устранения чрезмерного факта, селективности и опущения. «Идею интерпретации» А.В. Бондарко определяет как «обращение к ситуации, т.е. к знанию о типичном событии, хранящемся в структурах когниции», отмечая важность учета «соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики», так как «внутренний мир интерпретируется в виде речи, а если речь задана как объект восприятия, то интерпретируется и она» (Бондарко 2002: 108—110).

Рассматривая свойства базового уровня интерпретации, Дж. Лакофф и М. Джонсон (Лакофф, Джонсон 2008: 72) делают вполне обоснованные и аргументированные заключения о важности для разных уровней толкования смысла всего высказывания и принципа отбора значимой информации, см. рис. 4.

Рис. 4. Уровни толкования таксисной семантики
 Fig. 4. Levels of interpretation of taxis semantics

2.2. Роль интерпретирующей функции языка в стратификации семантики таксиса

По нашему мнению, действие *интерпретирующей функции языка* (далее — ИФЯ) по отношению к структурам, передающим ТЗ, проявляется в следующем:

а) ИФЯ способствует избирательности ТЗ. Если для описательных значений избирательность означает, что не все признаки реальной ситуации рефлексированы в структуре значения, то по отношению к прототипическим ТЗ это значит, что в них отражаются не все компоненты ментальной структуры оценки (остаются невыраженными, например, такие семантические процессы, как интенция и готовность говорящего к совершению действия, перцептивность, контролируемость/неконтролируемость действия и т.п.);

б) ИФЯ предполагает вероятность и перспективу дискретной или недискретной имплементации смыслового содержания (сложноподчиненные предложения (далее — СПП) в независимом таксисе и предложно-падежные сочетания в зависимом таксисе);

в) благодаря ИФЯ появляются различные сочетания имплицитного и эксплицитного факторов в структуре речевого общения (например, стадия прагматической коррекции в процессе речи и четкие выражения хронологических значений одновременности/разновременности действий и др.);

г) ИФЯ раскрывается в различной дистрибуции смыслового содержания между лексическими, грамматическими, комбинированными и др. средствами в связи с функционально-семантическими возможностями того или иного уровня языковой системы (совершенного и несовершенного видов глагола (далее — СВ и НСВ), способы глагольного действия, лексико-семантические разряды глаголов и их семантические группировки и др.);

д) ИФЯ способствует ранжированию специфических свойств ядерных и периферийных компонентов функционально-семантического поля (далее — ФСП) таксиса. Так, значение хронологии может входить в «интенционал» значения, а недифференцированные разновидности — в «экстенционал»;

е) ИФЯ четко выявляется в таких различных семантических процессах, как подключение фактора адресата, этап контроля и эмоциональности результата речевого воздействия и др.;

ж) ИФЯ акцентируется в возможности особой актуализации и конкретизации ТЗ (имплицитной или эксплицитной);

з) ИФЯ способствует истолкованию способности ТЗ репрезентировать объективный или субъективный модус оценки ситуации с точки зрения релевантности;

и) вследствие значимости фактора ИФЯ появляется возможность провести «тонкий» анализ показа сочетания смыслов в структуре ТЗ и распределения их в разных синтаксических структурах и их «метакогнитивных моделированиях» (Болдырев 2009), системная панорама взаимодействия парадигм когнитивной семантики, семалогии и лингвосинергетики (Алефиренко 2011).

Центральную роль среди интерпретирующих средств выражения ТЗ играют синтаксические значения.

Таким образом, с одной стороны, в лингвистике сложилась традиция обращения к универсальным мыслительным основам категоризации лингвистических явлений вместе с признанием идиоэтнического характера способа отражения мыслительного содержания в языковой семантике, а с другой — прослеживается «стратификация семантики» (Бондарко 2002: 99).

Интерпретационные типы ТЗ (результативные/нерезультативные, контролируемые/неконтролируемые, длительные/недлительные: процессные/непроцессные действия и состояния, достигнутость предела, контролируемость ситуации и др.) в большей или меньшей степени обусловлены типами категоризации и «режимами интерпретации», или контекстом употребления. Языковая интерпретация глубинной семантики находит отражение в различных аспектах системно-структурной организации языковых значений, в частности, в «соотношении семантических прототипов и их окружения» (Бондарко 2002: 263), в явлениях избирательности и избыточности в сфере форм и их значений, в соотношении значения, импликации и пресуппозиции, в различных комбинациях грамматических и лексических значений в их взаимодействии с контекстом (Болдырев 2009).

Прототип понимается как «наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты (признак „источник производности“) и (во многих случаях) наиболее высокой степенью регулярности функционирования» (Бондарко 2002: 263).

Рассмотрим примеры. Ср.:

- (1) *Балаганов заметался. Сначала он подскочил слишком близко к месту действия, потом отбежал слишком далеко. И лишь после всего этого занял удобную для наблюдений позицию у фруктового киоска* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок);
- (2) *Мягко застрекотал аппарат, погас свет, постепенно на небольшом экране замелькали синие волны моря и розовые пески берегов* (И. Ефремов. Торжество тигра);

- (3) *Прошли еще три огромные, как три жизни, ночи и три призрачных дня, и вдруг я вижу на четвертый день Бутонов приходит в неурочное время и говорит, что уезжает* (Л. Улицкая. Медя и ее дети).

Эти высказывания вполне сходные с точки зрения смысла: в обоих случаях речь идет о ТЗ прошлого, однако интерпретация этого смысла различна. В одном случае (1) и (2) смысл «отнесенность к прошлому» непосредственно передается формой, имеющей значение прошедшего времени «предшествование-следование» и «цепь последовательных фактов», тогда как в другом (3) смысловая отнесенность к прошлому сочетается с образной актуализацией (в плане настоящего исторического), детерминированный категориальным значением формы настоящего времени (настоящее транспозиции, настоящее историческое время).

Учитывая и принимая во внимание факт, что настоящее время представлено на временной оси не точкой (совпадением с моментом речи), а некоторым интервалом, включающим момент речи, именно интервал как модальная рамка в настоящем историческом может быть определен следующим образом: действие относится к прошлому; говорящий хочет, чтобы слушающий мысленно описал действие, как бы совершающееся перед его взором; он говорит о нем так, как будто он сам находится в том времени, к которому относится действие, и оно как бы разыгрывается у него на глазах. Общий смысл высказывания не нарушает принципа транспозиции, так как передается та же денотативная ситуация, но добавляется особенный нюанс (интерпретационный компонент) красочности и образности, тем самым устанавливается своеобразный «тонкий тюнинг», несмотря на то, что значение грамматической формы вступает в противоречие с контекстом и всей речевой ситуацией.

2.3. Интерпретационные типы таксисных значений в системе инвариантности/вариативности и прототипического подхода

Анализируя соотношение инвариантности/вариативности и прототипического подхода к фактам языка, А.В. Бондарко вводит в характеристику «лингвистических инвариантов» указание на то, чем обусловлена вариативность, и полагает: «инвариант как элемент определенной системы подвергается преобразованиям в результате взаимодействия системы и среды» (Бондарко 2002: 5). Среда здесь трактуется как «множество языковых элементов, которые играют по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которым она выполняет свою функцию» (Бондарко 2002: 5—6). Применительно к анализу ТЗ роль среды выполняют элементы контекста и речевой ситуации; к среде относятся лексические значения глаголов и лексико-грамматические разряды слов, влияющие на реализацию ТЗ, а также элементы «категориального окружения» — другие грамматические категории, взаимодействующие с таксисом как исходной системой. Так, варианты значений, выражаемых при употреблении форм СВ и НСВ при выражении ТЗ, зависят от элементов контекста (1), (2), (3) типа *вдруг, медленно, постепенно, иногда, часто* и т.п., от лексического значения глагола, его принадлежности к разряду предельных или непредельных глаголов и к тому или иному способу действия, от воздействия со стороны категорий времени, вида, наклонения, лица и залога.

Вместе с тем следует учитывать, если рассматривается соотношение общих значений форм СВ и НСВ (инвариантов) и частных значений (ср. *конкретно-фактическое, наглядно-примерное, потенциальное и суммарное значения*), выражаемые при употреблении СВ, и такие частные значения НСВ, как *конкретно-процессное, неограниченно-кратное и обобщенно-фактическое*, то в центре внимания находится отношение глубинного основания рассматриваемой семантики (категориальных значений СВ и НСВ) и значений, которые выражаются в различных условиях речи в вариантах, зависящих от лексики, контекста, речевой ситуации, т.е. от разных типов окружающей среды.

Если рассматривать соотношение инварианта и прототипа как сущность и явление, то, поскольку явление богаче сущности, оно содержит не только необходимые «идеальные» признаки, но и второстепенные, которые могут находиться на более низком уровне стратификации. Примером проявления признака «источник производности» может служить конкретно-фактическое значение СВ при реализации таксисных хронологических значений:

- (4) *Бенедикт натянул валенки, потопал ногами, чтобы ладно пришлось, проверил печную вьюшку, хлебные крошки смахнул на пол — для мышей, окно заткнул тряпницей, чтоб не выстудило, вышел на крыльцо и потянул носом морозный чистый воздух. Эх и хорошо же!* (Т. Толстая. Кысь. Аз).

Другие частные значения СВ —

— суммарное:

- (5) *Я отворил дверь, откуда тотчас же рванул, хлынул зловонный пар и гомон. Шум, ругань, драка, звон посуды* (В. Гиляровский. Москва и москвичи);

— наглядно-примерное:

- (6) *Париж стал совершенно невыносим. Гранд-опера, а в ней кто-то показывает кукиш. Сложит, покажет и спрячет опять. Опять сложит, покажет* (М. Булгаков. Театральный роман);

— потенциальное:

- (7) *Тургеневский герой, однодворец Овсянников, вспоминал: «Пока не знаешь его, не взойдешь к нему — боишься точно, робеешь; а войдешь — словно солнышко тебя пригреет, и весь повеселеешь»* (В. Пикуль. Этюды о былом);

— являются производными по отношению к конкретно-фактическому значению — основному прототипическому варианту общего значения СВ, важного признака для целостного представления ТЗ. Признак «целостность действия» является инвариантным для форм СВ, что проявляется в ТЗ типа «предшествование-следование», однако это не значит, что говорящий употребляет ту или иную форму СВ только для того, чтобы выразить неделимую целостность действия.

Иной характер имеет признак «источник воздействия» в сфере прототипов и их окружения. Прототипы в сфере семантики по своей природе интенциональны. Функции прототипов неразрывно связаны с актуальным сознанием участников речевого акта. Прототипические значения связаны с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности: «они являются одним из актуальных элементов речевого смысла» (Бондарко 2002: 266).

Инвариантное значение ТЗ — это выражаемая в полипредикативных конструкциях временная соотнесенность как минимум двух действий в рамках единого временного плана, а отношения семантики одновременности/разновременности есть один из вариантов. Поэтому инвариантное значение таксиса выступает в таких вариантах:

1) отношение одновременности/предшествования-следования:

- (8) *Катя сунула ноги в остывшие домашние чуни. Вышла на кухню. Вернулась. Постояла немного, кутаясь в синий байковый халатик. Затем оторвала листок календаря, стала читать* внимательно и медленно, так, словно от этого зависело многое (С. Довлатов. Зона) — значение последовательности;
- (9) *В Копенгагене я сделал сделку. Заработанные лекциями деньги сунул в свою книжку, а книжку подарил журналистке из газеты с трудновоспроизводимым названием. После чего пошел по магазинам* (М. Веллер. Ножик Сережи Довлатова) — значение последовательности;
- (10) *На маленькой площадке, как раз посередине между крыльцом дома и летней кухней, Георгий распаковывал две привезенные им коробки, а Медея распоряжалась, что куда нести* (Л. Улицкая. Медея и ее дети) — значение одновременности;

2) временная соотнесенность действий в сочетании с отношениями обусловленности (причинными, следственными, целевыми, условными, уступительными):

- (11) *Вспомнив о своей Иринушке, с которой за последнее время так мало приходилось ей бывать, Христина бросила старика, пошла к себе* (А. Ремизов. Часы) — отношение предшествования—следования связано с отношением причины и следствия;

3) взаимосвязь действий в рамках единого временного плана при неактуализованности хронологических отношений, например:

- (12) *На листе почтовой бумаги, данном ему Митюшиным, Антон Петрович написал Бергу письмо, трижды называя Берга подлецом, и кончил бессильной фразой: один из нас должен погибнуть* (В. Набоков. Возвращение Чорба).

В этом случае для смысла высказывания существенно не хронологическое отношение одновременности двух действий, а значение сопряженности двух взаимосвязанных компонентов обозначаемой ситуации в рамках единого временного плана.

Такие высказывания относятся не к центру таксиса, а к периферии, перед нами не прототип ТЗ, а один из элементов окружения прототипа.

Следует отметить факт, что инвариантные признаки ТЗ (хронологические отношения) являются глубинным источником воздействия на подчиненные ему варианты, т.е. не зависят от интенций говорящего, а являются данностью значения. Прототипические признаки (акцентирование значения одновременности/разновременности, временного периода времени, псевдоодновременности) относятся к сфере семантики, напрямую связаны с когнитивным выбором говорящего, поэтому функционирование таких единиц может быть в прототипическом или непрототипическом значении, причем реализация зависит от установок говорящего.

Однако прототипичными для ТЗ являются именно акциональные глаголы (Бондарко 2002: 123—124; Нуртазина 2016: 78) как обладающие наиболее полным набором характерных для данной категории признаков. На уровне категории акциональных глаголов инвариантом выступает признак акциональности, а прототипом будут являться глаголы зрительного и слухового восприятия, физического действия и др., хотя они могут проявлять значительную вариативность при реализации инвариантного значения вплоть до его утраты и перехода в другую категорию.

Так, например, протекание процесса может специально подчеркиваться с помощью обстоятельственных актуализаторов типа «*все*», «*все еще*», выступающих в роли своеобразных расширителей временного плана. Эти «аспектуально-временные детерминаторы» (Нуртазина 1989: 25—26), характеризуют процесс протекания действия во времени, усиливают значение несоответствия и употребляются в сочетании с такими действиями, которые имеют внутренне обусловленную логическую возможность развития, продолжения. Выражается при помощи СВ некоторая исходная ситуация, а далее после паузы в определенный момент наблюдатель застаёт процесс в той «прогрессирующей фазе», когда он уже успел развернуться в полной мере:

- (13) *Поставив машину в гараж, я долго еще возился возле нее. В душе у меня все было натянуто до предела* (Ч. Айтматов. Тополек мой в красной косынке);
(14) *С ним расставишь, долго не мог я забыть старого смотрителя, долго думал я о бедной Дуне* (А. Пушкин. Станционный смотритель).

Вместе с тем возможны случаи нецеленаправленного (неволевого) действия, описывающие природные явления, абстрактные отношения, любые спонтанные процессы, рассматриваемые как неконтролируемые, например:

- (15) *Старый Харлампий по мере рождения внуков слабел, добрел и утратил к концу жизни вместе с богатством даже образ властного, жесткого и талантливого купца* (Л. Улицкая. Медя и ее дети).

Примечательно, что инвариантные свойства ТЗ проявляются на разных уровнях языковой системы и реализуются в прототипических значениях, которые включают в себя следующие компоненты: *процессность, результативность, длительность, перцептивность, динамичность, предельность, интенциональность, контролируемость, локализованность* и др. Прототип репрезентирует прототипический фрейм, который отличается от других единиц когнитивной системы человека тем, что наиболее полно отражает сущность и свойства единиц, принадлежащих категории, т.е. содержит информацию, применимую для большинства единиц данной категории. Являясь наиболее общим представителем «своей» категории, прототипический фрейм, который М. Минский называет «активной формой восприятия» (Минский 1979: 62), становится эффективным средством исследования ТЗ и позволяет выявить их прототипическое и инвариантное значения, а также индивидуализирующий компонент.

2.4. Анализ когнитивной структуры семантики таксиса

Одним из постулатов когнитивной лингвистики является утверждение о модельном образе мышления, а также о наличии когнитивных структур разного свойства и разного уровня в когнитивной системе человека, так как именно с когнитивной семантики и ее подходов (прототипическая семантика и фреймовая семантика) началось развитие когнитивной лингвистики. Ученые, которые развивали грамматические воззрения в рамках когнитивной лингвистики, всегда учитывали семантический аспект. С точки зрения В.В. Красных (Красных 1998: 273), когнитивное пространство человека представлено в виде «магического шара» или заполненной сферы, где каждая точка имеет определенное множество векторов деятельности: вербальной, ментальной, физической, эмоциональной. Когда субъект воздействует на сознание по одному из векторов, то это вызывает определенную реакцию из той же точки, которая идет по другому вектору деятельности. Все это способствует вычленению различных коммуникативных типов высказываний и коммуникативную целенаправленность или различные виды воздействия.

2.5. Возможность использования фреймового анализа к семантике таксиса

Интерпретация непосредственно связана с познанием и есть процесс и результат структурализации и опоры на коллективные и субъективные схемы знаний: фреймы как наиболее лингвистически ориентированные в связи с возможностью языковой репрезентации знаний и результатов опыта субъекта, скрипты, когнитивные модели (Филлмор 1988: 89—92). Важен и исследовательский потенциал фрейма, в связи с чем все больше исследований демонстрируют привлечение фреймовых структур и использование методов фреймовой семантики и моделирования. Так, Н.Ф. Алефиренко отмечает в ракурсе «когнитивно-дискурсивной парадигмы языкового знака» важность универсально-предметного кода как «первой когнитивной структуры, уже во внутренней речи закладывающая мыслительный базис языковой семантики. В его основании лежит достаточно информативное содержание, формирующееся в процессе осмысления и обобщения денотативной ситуации» (Алефиренко, Корина 2011: 38).

Структуры знаний фрейма также представляют собой так называемые «пакеты информации», которые хранятся в памяти и могут создаваться по мере необходимости из содержащихся в памяти элементов, которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций (Бондарко 2002: 111—113). Кроме того, фрейм рассматривается как «схема смысловых опор» (Минский 1979: 24; Лакофф 2008: 121—122; Филлмор 1988: 97), как обобщенные когнитивные репрезентации того, что может быть увидено в некоторой части статического пространства, отдельное единичное действие, состояние, результат, представляя стереотипную информацию, что делает его важным инструментом в процессе познания, а следовательно, категоризации и концептуализации, в процессе узнавания и идентификации.

Развивая эти воззрения, отметим факт того, что понятие «фрейм» можно проецировать на знание языка как одного из видов человеческого знания. Так, приме-

нительно к нашему исследованию ТЗ может быть одним из компонентов более сложного смыслового комплекса, где доминирующим при определении конкретного характера связи между ситуациями (помимо хронологической упорядоченности) являются «не хронологические связи, а семантические отношения другого типа» (Якобсон 1972: 98—99). В таких случаях временная соотнесенность действий, хронологические отношения вторичны, производны:

- (16) *Моя возлюбленная очень изменилась, похудела и побледнела, перестала смеяться и все просила меня простить ее за то, что она советовала мне напечатать отрывок* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);
- (17) *Прикажи слово молвить, — сказал Хлопуша хриплым голосом. — Ты поторопился назначить Швабрина в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уже оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору* (А. Пушкин. Капитанская дочка);
- (18) *Нет! Мастер ошибался, когда с горечью говорил Иванушке в больнице в тот час, когда ночь переваливалась через полночь, что она позабыла его. Это быть не могло* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В высказывании (16) представлен комплекс совмещенных результативных фактов, относящихся к одному периоду времени, при возможном изменении последовательности глагольных форм без существенного изменения общего смысла. Перфектное значение включает в себе аспектуальный элемент характера осуществления действий во времени, так и темпоральный элемент актуальности последствий действия для более позднего временного плана. В высказываниях (17) и (18) глаголы СВ и НСВ и деепричастие СВ не выражают значения предшествования в хронологическом смысле; временные отношения сводятся к совмещенности, «наложенности» действий в одном и том же периоде времени: личная форма глагола передает действие констатирующего плана, а деепричастие дает определенную характеристику основного действия, квалифицирует его.

2.6. Интенциональность как существенный признак для характеристики таксисных отношений

Когнитивный подход к речевому взаимодействию, реализующийся, в частности, в аспектуально-таксисных ситуациях, подчеркивает взаимосвязь между дескриптивной, когнитивной и коммуникативной функциями языка. Основой такого подхода является понятие модуса интенциональности. Исследование семантики таксиса целесообразно соотнести с понятиями интенциональности и релевантности.

Интенциональность как возможность направленности сознания на объект действительности с определенной точки зрения; как средство манипуляции и речевого воздействия и как способности гармонизировать общение коммуникантов, как «актуальная связь с намерениями говорящего в акте речи, с коммуникативной целью, с целенаправленной деятельностью говорящего» (Бондарко 2002: 145—148; Нургазина 2016: 182) в речевой интеракции говорящего сталкивается с интенциональностью слушающего. Как отмечает В.З. Демьянков, «акт понимания имеет своей целью выдвинуть в данном предмете одни стороны и отодвинуть, затемнить

другие с целью так или иначе понять этот предмет и в том или ином свете сообщить его другому сознанию. Этот акт можно назвать интерпретацией предмета, или интерпретативным актом» (Демьянков 1994: 22—23).

С интенциональностью тесно связаны и такие семантические признаки, как релевантность и возможности их нарушения в речи. При этом специфика принципа релевантности как неперемного условия эффективности, успешности и уместности информации с учетом механизмов когнитивного взаимодействия говорящего и слушающего в структуре общения заключается в том, что при его выполнении коммуникация в большинстве случаев должна протекать без сбоев.

Известно, что коммуникация может быть успешной или неуспешной. Успешная коммуникация — это прежде всего адекватная коммуникация, при которой достигается достаточное, с точки зрения коммуникантов, взаимопонимание. Неуспешная коммуникация, или коммуникативный сбой, соответственно, представляет собой недостаточно полное понимание участников коммуникации. Поэтому для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы коммуниканты обладали общностью лингвистических когнитивных структур, т.е. знаниями об используемом языке и навыками речевого общения, а также общностью знаниями о мире в форме образов сознаний:

- (19) *Открыл было рот владыко, чтобы дать волю праведному гневу, но вдруг остановил себя. В последнее время вел он борьбу с грехом сердечной свирепости* (Б. Акунин. Пелагея и белый бульдог);
- (20) *Наташа молчала. Андрей Николаевич уже хотел передать поклон супругу, к чему его обязывало чувство вежливости, но сейчас это было неудобно* (Л. Андреев. У окна);
- (21) *Виргинский всю ночь на коленях умолял жену о прощении, но прощения так и не вымолил* (Ф. Достоевский. Бесы).

В приведенных высказываниях наблюдается смена ситуации: действия прерываются на стадии намерения или на стадии начальной реализации. Специфика функционирования форм прошедшего времени (могут использоваться и глаголы специально-результативного способа действия) здесь заключается в том, что время каждого действия соотносится с соответствующим моментом плана повествования (условного прошлого). Налицо лишь связь между моментами совершения действий (19) «открыл было ... но остановил себя»; (20) «уже хотел ... но...»; (21) «умолял, но так и не...» («попытка-результат» как разновидность потенциальной модальности в плане безуспешной попытки достижения цели), образующих временную последовательность.

В высказываниях (19, 20, 21) наступление целостного акта СВ прерывает действие с компонентами «было», «уже хотел» и др. Необходимым семантическим компонентом таких высказываний является внезапность. Скачкообразный характер повествования подчеркивает лексема «вдруг» (19), которая указывает, что внезапность, скачкообразность наступления факта, перехода в новое состояние сопровождается прерванностью того, что уже реализуется, и обозначает границу временного предела, являясь одновременно «сигналом» к прекращению действия предыдущего. В таком случае все высказывание приобретает экспрессивно-

эмоциональную окраску: значение внезапности и прерванности действия совмещается в рамках высказываний с частицей «*было*» (19) и фразеологизированных структур типа «*хотел было ... но*» (20); с инфинитивом в данном случае сочетаются лексемы, обозначающие модально-видовые оттенки, которые связаны со степенью участия психической или физической энергии деятеля в осуществлении собственного действия (целенаправленные каузативы) (21). Значение интенциональности заключается в намерении говорящего «наполнить» грамматическую языковую лауну; так как он исходит из чисто речевых потребностей для передачи тонких смысловых нюансов ситуации, а на глубинном уровне желанием полностью контролировать ситуацию.

Подобные ситуации являются сопряженными с точки зрения результативности речевого акта. По своему семантическому характеру они относятся к числу модальных ситуаций, поскольку в качестве иерархически доминирующего семантического компонента выступает именно модальный компонент. Он непосредственно связан с таксисным, аспектуальным и темпоральным значениями, которые также играют важную роль в ситуации данного типа, но они находятся на более низкой ступени в семантической иерархии для выражения интенции как модальной перспективы говорящего.

Модальный оттенок пресуппозиции ожидания и конативности выводится из взаимодействия отрицания и видовой семантики. Значение потенциальной возможности осуществления действий сосредоточивает внимание на дальнейшем ходе событий. Средством связи выступает противительная конструкция с союзом «*но*». Отрицается осуществление действия вопреки объективным предпосылкам его реализации. Лексическое значение глаголов, связанное с желанием, намерением субъекта совершить действие, способствует проявлению конативности в плане «стремление-успех». Говорящий, создавая речевое произведение, осуществляет контроль над тем, что и как он говорит.

Слушающий также интерпретирует высказывание говорящего, и его интерпретация может не совпадать с содержанием, заложенным в данный текст говорящим. Так возникают факторы конфликтного риска, релевантности высказывания, обусловленные противоречиями порождения высказывания и его восприятия. Предметом анализа в данном случае становятся смыслы, которые определяются не только тем, что сказано, эксплицировано языковыми структурами, но и тем, что имелось в виду, а именно: скрытые смыслы, которые намеренно или случайно возникают в тексте.

Такие ситуации можно назвать ситуациями «обманутого ожидания», важную роль в оформлении которых играют частицы типа «*уже*», «*еще*». Такие ситуации обладают способностью автоматически вызывать в сознании адресата целый ряд смыслов в речемыслительной деятельности и имеют отношение к предмету речи, но чаще всего не эксплицируются говорящим. Эти скрытые смыслы возникают в сознании коммуникантов в связи с ситуацией коммуникации, значением предмета беседы, а также при наличии в контексте высказывания, содержащего частицы, тех или иных лексико-грамматических индикаторов. Нереализованный резуль-

тат — это воздействие, которое говорящий оказал на слушающего, т.е. перлокутивный акт как изменения, которые речевой акт вызывает в ситуации общения, в мыслях, чувствах и поведении адресата.

Собранный и проанализированный нами иллюстративный материал позволяет говорить о том, что таксис являет собой набор семи концептов-примитивов, служащих для модификации ситуации и передающихся в языке тремя типами фреймов: поверхностным синтаксическим, поверхностным семантическим и тематическим, — осмысление которых происходит с помощью трех когнитивных моделей: пропозициональной, образно-схематической и метафорической. Проведенное исследование позволяет утверждать, что в период с XIX в. вплоть до начала XXI в. наблюдается эволюция лингвокогнитивных возможностей человека для более пластичной передачи временной соотнесенности действия с учетом характера протекания и распределения действий во времени. Это подтверждается увеличением количества когнитивных моделей, задействованных в передаче таксисных значений одновременности/разновременности и темпорально нехарактеризованного таксиса. В частности, в XX—XXI вв. одним из достаточно продуктивных способов выражения различных видов таксиса стала метафорическая когнитивная модель (см. табл. 2).

Таблица 2 / Chart 2

Когнитивные модели передачи таксисной семантики
Cognitive models of transfer of taxis semantics

№	Структуры	Количество	% соотношение
1	нейтральная одновременность/разновременность, лишенная модальной оценки	134	16,98%
2	сопряженность действий в едином временном плане	79	10,01%
3	закономерность совершения действия / возникновение ситуации («цепь», «предшествование-следование», «строгая одновременность»)	189	23,95%
4	оценка степени вероятности осуществления действия, связанная с контролируемостью	93	11,79%
5	временная граница, или временной предел ситуации (целостность, завершенность, результативность, смена ситуации, начало новой ситуации и др.)	81	10,27%
6	желательность совершения действия с модальной оценкой	102	12,93%
7	коммуникативная программа говорящего	111	14,07%

Так, из 789 проанализированных нами примеров, эксцерпированных из русской художественной литературы XIX—XXI вв., наибольшее количество примеров соответствует типу высказываний, когда на передний план выдвигается отношение, связанное с ментальной генерализацией концептуальной сущности языкового представления семантики таксиса («желательность совершения действия с модальной оценкой»; «коммуникативная программа говорящего»; «оценка степени вероятности осуществления действия, связанная с контролируемостью»).

Таким образом, моделирование таксисной семантики позволило выявить ее основные когнитивные признаки, такие как: 1) динамичность и активность точки зрения самого говорящего при реализации значений таксиса; 2) многоаспектность

характеристики; 3) взаимосвязь мыслительных и языковых структур. Такой подход способствует регистрации отчетливых связей и явлений объективной действительности, помогает выявлению своеобразия языковой интерпретации понятийного содержания, охарактеризовать коммуникативно-прагматический результат реализации грамматических форм для понимания смысла таксиса.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ НАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЙ

Рассмотрение аспектуально-таксисных ситуаций в свете идей и версий когнитивной лингвистики позволяет представить основные способы организации комбинированных языковых средств выражения (лексических, морфологических и синтаксических). Интерпретационный подход к семантике таксиса предполагает исследование мыслительных и языковых структур, которые обуславливаются принципом избирательности: в ТЗ отражаются не все компоненты ментальной структуры, некоторые элементы остаются невыраженными в зависимости от коммуникативных намерений говорящего.

Проведенный анализ семантики таксиса открывает перспективы для продолжения исследования в области установленной проблематики, темами которых могут стать, например, сопоставительное изучение ТЗ по нескольким индивидуально-авторским и функциональным стилям, анализ с опорой на психолингвистический эксперимент (опрос информантов), рассмотрение таксисных конструкций в аспекте их внутренней типологии, комплекс исследовательских явлений на базе коммуникативного синтаксиса и теории речевых актов.

Перспективным для дальнейших научных изысканий видится лингво-методическое использование предложенного подхода в практике преподавания языка в вузе. В этом плане лингводидактическую привлекательность приобретают вопросы фреймового подхода к организации знаний (в нашем случае представления хронологических отношений одновременности/последовательности действий в структуре текста), тем более что фреймовая модель предполагает включение в состав, помимо лингвистической составляющей (языковых знаний), экстралингвистической и прагматической составляющей, что, несомненно, чрезвычайно важно при освоении иноязычной культуры. Обладая большим лингводидактическим потенциалом, такая методика позволяет осуществить смысловую компрессию учебного материала при овладении способами представления сжатой информации в виде моделей и схем. Важно это и потому, что фрейм предполагает какую-либо селекцию-отбор языкового представления знаний с использованием лингвистических средств разных уровней языковой системы.

© Н.Ф. Алефиренко, М.Б. Нуртазина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. Москва: Флинта: Наука. 2010. [Alefirenko, N.F. (2010). *Lingvokulturologiya: cen-
nostno-smyslovoe prostranstvo yazyka: uchebnoe posobie*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ).]

- Алефиренко Н.Ф., Корина Н.Б. Проблемы когнитивной лингвистики: Научная монография. Нитра: УКФ. 2011 [Alefirenko, N.F., Korina, N.B. (2011) *Problemy kognitivnoy lingvistiki: Nauchnaya monografiya*. Moscow: Nitra: UKF. (In Russ).]
- Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. монография. М.—Тамбов: Ин-т языкознания РАН / Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2009. [Boldyrev, N.N. (2009) *Konceptualnaya osnova yazyka // Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Вып. IV. Konceptualizaciya mira v yazyke: kolektiv. monografiya. Moscow—Tambov. (In Russ).]
- Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На мат. рус. языка. М.: Языки славянской культуры. 2002. [Bondarko, A.V. (2002) *Teoriya znacheniya v sisteme funkcionalnoy grammatiki: Na mat. rus. yazyka*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury. (In Russ).]
- Гусман Тирадо, Рафаэль. К проблеме категории таксиса в русском и испанском языках, en: *Język rosyjski w konforntacji z językami Europy w aspekcie lingwokulturoznawczym*, Katowice (Polonia), Universidad de Silesia, 2004, Vol. III, págs. 239—255. [Gusman Tirado, Rafael (2004) *K probleme kategorii taksisa v ruskom i ispanskom yazyikah, v Język rosyjski w konforntacji z językami Europy w aspekcie lingwokulturoznawczym*, Katowice (Polonia), Universidad de Silesia, Vol. III. (In Russ).]
- Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17—33. [Demyankov, V.Z. (1994) *Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost interpretiruyuschego podhoda // Voprosy yazykoznanija*. № 4. (In Russ).]
- Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 226 с. [Zaliznyak, A.A., Shmelev, A.D. (2000) *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu*. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ).]
- Золотова Г.А. Категория времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 7—29. [Zolotova, G.A. (2002) *Kategoriya vremeni i vida s toчки zreniya teksta. Voprosy yazykoznanija*. № 3. (In Russ).]
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 1998. 528 с. [Zolotova, G.A., Onipenko, N.K., Sidorova, M.Yu. (1998) *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka*. Moscow: Nauka. (In Russ).]
- Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация): Монография. М.: МГУ. 1998. [Krasnyh, V.V. (1998) *Virtualnaya realnost ili realnaya virtualnost? (Chelovek. Soznanie. Kommunikaciya)*: Monografiya. Moscow: MGU. (In Russ).]
- Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и Межкультурная коммуникация. Вып. 1. 2001. [Kubryakova, E.S. (2001) *O kognitivnoy lingvistike i semantike termina "kognitivnyy"*. *Vestnik VGU. Seriya Lingvistika i Mezhkulturnaya kommunikaciya*. Вып. 1. (In Russ).]
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ. 2008. [Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. (2008) *Metaforы, kotorymi my zhivem*. Izd. 2-e. Moscow: Izd-vo LKI. (In Russ).]
- Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Прогресс, 1979. [Minskiy, M. (1979) *Freymy dlya predstavleniya znaniy*. Moscow: Progress. (In Russ).]
- Нуртазина М.Б. Недифференцированная разновидность аспектуально-таксисной ситуации // Функционирование языковых единиц и категорий в синхронии и диахронии: Сб. науч. ст. Таллинн: ТГПИ им. Э.Вильде. 1989. [Nurtazina, M.B. (1989) *Nedifferencirovannaya*

raznovidnost aspektualno-taksisnoy situacii. *Funkcionirovanie yazykovykh edinic i kategoriy v sinhronii i diahronii: Sb. nauch. st.* Tallinn. (In Russ).]

Нуртазина М.Б. Синергетическая модель функциональной грамматики: Научное издание. Санкт-Петербург—Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2016. [Nurtazina, M.B. (2016) *Sinergeticheskaya model funktsionalnoy grammatiki*: Nauchnoe izdanie. Sankt-Peterburg—Astana: ENU im. L.N. Gumileva. (In Russ).]

Петрухина Е.В. Когнитивные аспекты изучения русского глагола и категории вида // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. М.: Языки славянских культур. 2009. [Petruhina, E.V. (2009) *Kognitivnye aspekty izucheniya russkogo glagola i kategorii vida. Gorizonty sovremennoy lingvistiki: Tradicii i novatorstvo*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ).]

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1977. Вып. 2. Т. IV: Глагол. [Potebnya, A.A. (1977) *Iz zapisok po russkoy grammatike*. Moscow: Prosveschenie, Vyp. 2. T. IV: Glagol. (In Russ).]

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс. 1988. [Fillmor, Ch. (1988) *Freymy i semantika ponimaniya. Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. XXIII: Kognitivnye aspekty yazyka. Moscow: Progress. (In Russ).]

Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003, № 2. С. 32—54. [Khrakovskii, V.S. (2003) *Kategoriya taksisa (obshchaya kharakteristika). Voprosy yazykoznaniiya*. № 2. (In Russ).]

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука. 1963. [Yakobson, R.O. (1963) *Shiftery, glagolnye kategorii i russkiy glagol. Principy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya*. Moscow: Nauka. (In Russ).]

Bloomfield L. (1946) *Algonquian. Linguistic Structures of Native America (Viking Fund Publication in Anthropology)*. New York, 1946. № 6. P. 94—102.

Bruner, J. (1990) *Acts of meaning*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Dörnyei, Zoltán (2007) *Research methods in applied linguistics*. Oxford: Oxford University Press.

Gumperz, J. (1982) *Discourse Strategies*. Cambridge, MA: Cambridge University.

Schiffrin, D. (1995) *Approaches to discourse*. Cambridge, MA: Blackwell Publishers.

Steffensen, S.V., Michiko, U., & Kramsch, C. (2014) The ecology of intercultural interaction: Timescales, temporal ranges and identity dynamics. *Language Sciences*, 41A, 41—59. doi:10.1016/j.langsci.2013.08.006.

Swoyer, C. (2011) How does language affect thought? In V. Cook & B. Bassetti (eds.). *Language and Bilingual Cognition*. New York, NY: Psychology Press.

Vygotsky, L. S. (1978) *Mind in Society: Development of Higher Psychological Processes*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Wertsch, J. (1990) The voice of rationality in a sociocultural approach to mind. In L.C. Moll (Ed.), *Vygotsky and education: Instructional implications and applications of sociohistorical psychology* (pp. 111—126). Cambridge, MA: Cambridge University.

Whorf, B.L. (1940/1956) In J.B. Carroll (Ed.), *Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf*. Cambridge, MA: MIT Press.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 августа 2017

Дата принятия к печати: 10 октября 2017

Для цитирования:

Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б. Системная панорама когнитивной репрезентации семантики таксиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 4. С. 706—728. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-706-728.

Сведения об авторах:

Алефиренко Николай Федорович — Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета. *Сфера научных интересов:* специалист в области общего языкознания, когнитивной семантики, лингвокультурологии и фразеологии; член фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, действительный член РАСН (Российской академии социальных наук). *Контактная информация:* e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

Нуртазина Марал Бекеновна — Почетный работник образования РК, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. *Сфера научных интересов:* межкультурная коммуникация, полилингвальное образование, прагматика, семантика, анализ дискурса. *Контактная информация:* e-mail: nurtazina2@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-706-728

THE SYSTEM PANORAMA OF COGNITIVE REPRESENTATION FOR TAXIS SEMANTICS

N.F. Alefirenko¹, M.B. Nurtazina²

¹Belgorod State National Research University
85 Pobedy str. 308015, Belgorod, Russia

²L.N. Gumilyov Eurasian National University
2 K. Satpayev str. 010008, Astana, Kazakhstan

Abstract. Various approaches to the necessity of semantic/taxis interpretation have been substantiated. The perspective of the current paper allows us to take into account the interpretative aspect of linguistic consciousness, where it is extremely important to rely on the speaker's language competence, and the degree to which s/he creatively modifies the language. All the proposed provisions are illustrated by concrete examples. The main aims of the paper are, firstly to demonstrate the necessity of carrying out semantic/taxis interpretation analysis, and analysis of the speaker and listener cognitive interaction mechanism, in the structure of communication; secondly, to describe the structure of the cognitive characteristics of subject activity. Taxis/semantics modelling methodology allows for the exploration of basic cognitive features: 1) the dynamism and activity of the speaker's point of view; 2) characteristic multidimensionality, and 3) the structure of the relationship between thought and language. It is shown that the chronological relation expression, in the sphere of taxis, is differentiated by a high degree of sub-categorization, and is transmitted through a branched system means of expression. Illustrative material from the fictional text clearly demonstrates the vagueness of the boundaries between the temporal correlations of the differentiated and undifferentiated types. It is suggested that the represented real actions and states can objectively exist in relations of simultaneity / diversity. However, in the linguistic interpretation of the relationship, there is an implication which can be difficult to distinguish from the vaguely temporal type of action combination, in a single period of time. The processes of action direction, and the distribution of character formation over time, are considered through the prism of such cognitive mechanisms as representation, interpretation, intention, metaphor, comparison, and explicitness / implicitness of expression. The results of the investiga-

tion have a lingua-methodic potential: they allow us to carry out the semantic compression of educational material by mastering pathways of compressed information presentation, through models and diagrams in the process of teaching languages.

Keywords: *taxis interpretation, discursive strategies, cognitive-discursive approach, metaphor, evaluation interpretation, intention*

Article history:

Received: 10 August 2017

Revised: 15 September 2017

Accepted: 10 October 2017

For citation:

Alefirenko, N., Nurtazina, M. (2017) The System Panorama of Cognitive Representation for Taxis Semantics. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 706—728. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-706-728.

Bio Notes:

Nikolay Alefirenko — Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor at the Department of Philology of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia, member of the phraseological commission of the International Committee of Slavists; full member of the Russian Academy of Social Sciences (Russian Academy of Social Sciences). *Research Interests:* general linguistics, cognitive semantics, linguoculturology and phraseology; *Contact information: e-mail:* alefirenko@bsu.edu.ru

Maral Nurtazina — Honorary Education Worker of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Philology, Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan. *Research Interests:* Intercultural Communication, Bilingual education, Pragmatics, Semantics, Discourse Analysis. *Contact information: e-mail:* nurtazina2@gmail.com